

ОДНАЖДЫ

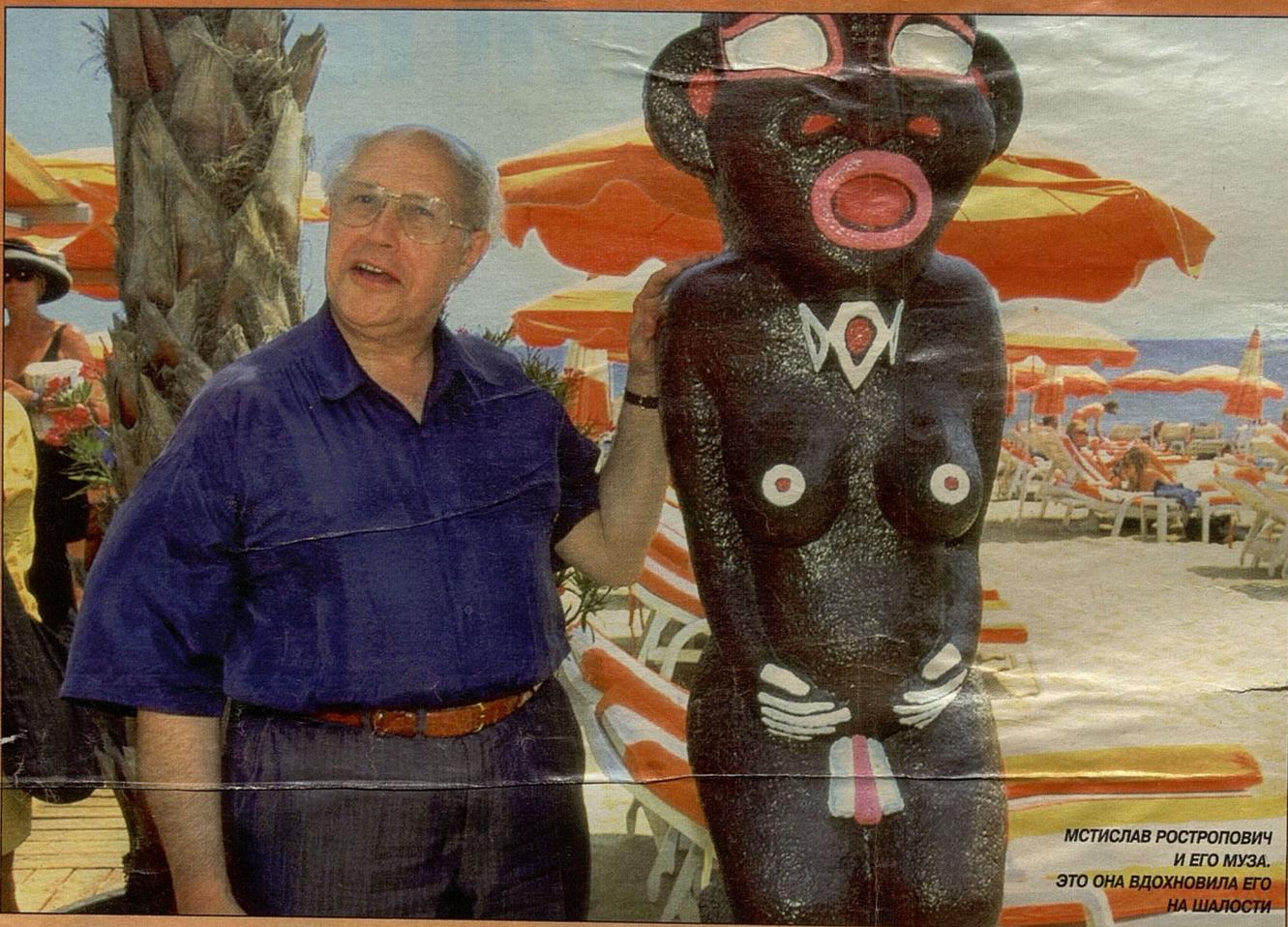
РАССКАЗЫВАЕТ

Семь дней. — 1997. — 17 — 23 февр. — с. 14

МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ

Однажды раздается звонок из Сан-Франциско: «Слава, мы организуем семидесятилетие Исаака Стерна. Вы приедете?» Я говорю: «Еще бы! Но что я должен делать?» — «Мы придумали такую штуку. Исполняем «Карнавал животных» Сен-Санса, а между номерами — текст, но не привычный, типа: «Вот какие солидные слоны» — и идет «Слоновья полька», а смешной, про жизнь Стерна, читать будет Грегори Пек. Вам предстоит сыграть «Умиряющего лебедя». Перед этим Грегори Пек скажет, что вот Айзек встретил в таком-то году замечательно красивую Верочку, которая стала спутницей всей его жизни. После чего ваш выход. И все».

Все? Значит, я помчусь в Сан-Франциско черт знает откуда, из Европы, чтобы в течение нескольких минут поиграть там на виолончели? Чепуха какая-то. Нет, это не будет являться выдающимся вкладом в день рождения великого скрипача Стерна, нет. «Стоп! — говорю я этому организатору. — Давайте так: я приеду лишь в том случае, если, во-первых,

МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ
И ЕГО МУЗА.
ЭТО ОНА ВДОХНОВИЛА ЕГО
НА ШАЛОСТИ

обо мне не раздастся ни слова, даже Стерну, а в программе напишете, что «Лебедя» сыграет концертмейстер виолончелей, во-вторых, вы немедленно пришлете ко мне из вашего Сан-Франциско театрального портного, чтоб обмерил мою талию и сшил подходящий костюм». «О'кей!» — говорит этот человек, и, действительно, через пару дней является портной. Измерил мне талию, хотя, по-моему, сантиметр его на моей талии не сошелся. «Чего будем шить?» — интересуется. «Балетную пачку, — говорю я ему. — И балетные туфли». «О'кей!» — говорит, не дрогнув, портной и удаляется, слегка отвесив нижнюю челюсть.

Я быстренько завершаю близлежащие дела и вылетаю в Сан-Франциско. Являюсь за четыре часа до концерта, захожу за кулисы, требую свой новый костюм. Несут. Костюмеры меня одевают. Я смотрюсь в зеркало. Боже мой! Трико, парик, диадема! Балерина в отставке при полном параде. Осталось только красиво умереть. Контрольная проверка. Я отправляюсь в дамский туалет. Дамы там были, но никто не вскочил с места, все продолжали заниматься теми делами, при которых я их застал. Нет, они меня осматрели критически: какая гигантская баба! — но никто не закричал: а-а-а!

Потом я подошел к пианисту, у того поднялись волосы и он сказал: «Господи! Слава! Ты хочешь играть «Лебедя»? А нам сказали, что это будет виолончелист из оркестра, концертмейстер». «Спокойно, Фима, — говорю ему, — играть буду я, но тебя это не должно интересовать. Ты сидишь спиной и все равно ничего не увидишь. Ты начинай свое вступление и играй его до скончания мира, пока не услышишь меня». Потом я подошел к концертмейстеру виолончелей и приказал ему во время чтения текста Грегори Пекком симулировать кишечные колики, после чего, оставив виолончель, быстро уползть за кулисы. Фу-у-у!

Наконец началось. Едва услышав Грегори Пека, виолончелист забился в конвульсиях и на четвереньках побежал за кулисы. Из публики сразу же явились три доктора, решившие, что ему пришел конец. Фима вступил, и на пуантах, спиной к залу, на сцену выплыл я. Никаких смешков, хотя видели, что балерина несколько велика, верней, широка. Ну, мало ли! Ветеранша сцены, великая в прошлом, еще не умерла, явилась тряхнуть стариной. В гробовом молчании зала под бряканье Фимы я проплыл по сцене, забрался с ногами в ящик с канифолью, наканифолился и поплыл обратно. Опять

спиной к залу. Но к оркестру лицом. С оркестром начались судороги, между тем я, крупно взмахивая ресницами, вот так вот: ап! ап! — добрался до виолончели. И повернулся. Тут Айзек Стерн первым начал понимать, что происходит. С ним случились какие-то обморочные состояния. Он то вставал, то обрушивался обратно в кресло, беззвучно хлопая ртом. Наконец я взялся за виолончель и сыграл им «Лебедя». Прервавшись пару раз, чтобы еще потанцевать.

Меня потом спрашивали, как я рискнул ввязаться в такую историю, не зная, чем она закончится. Ведь если бы...

Никаких «если»! Если бы я хоть что-то умел, ну был бы полубалериной, это было бы страшно. Потому что я делал бы все правильно, но плохо. А я не умел ничего. Мне достаточно было просто не уходить со сцены. Я ведь еще и прыгнул пару раз! Да-а-а! Вот тут немножко испугался, что промахнусь и приземлюсь на шпагат. Они же потом не смогли бы меня собрать!

Что творилось в зале, я рассказать не смогу. Это называется: публика рыдала. И, между прочим, это был один из самых крупных, а может быть, и самый крупный мой успех.

Рассказ записал Владимир ЧЕРНОВ